

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

6/2018 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Хроника Великой Победы (1941—1945 гг.)	3
--	---

СТАТЬИ

С.В. Ворошилова, Е.П. Татаринова — Женское избирательное право в Российской империи	16
--	----

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

В.В. Ярыгин — Джеймс Блейн	26
---	----

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

З.Э. Джиоева — Этимология и структурные особенности антропонимов монголов Чингис-хана	38
--	----

СООБЩЕНИЯ

Я.В. Карпенкина — Советские граждане в Западной Белоруссии в 1939—1941 гг.	48
С.Ю. Каргапольцев, И.Ю. Лапина — Северная оконечность Казанской улицы Санкт-Петербурга в исследовательской практике	57

Выходит
с 1926 года

ООО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

Е.Б. Баринова — Этнополитические отношения в Средней Азии в домонгольское время	75
--	----

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

А.С. Ищенко — Миф о Владимире Мономахе в зеркале украинской исторической памяти	93
--	----

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

А.Э. Котов — Михаил Юзефович — идеолог русского политического предмодерна	105
--	-----

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

П.А. Искендеров — Вторая мировая война в современном контексте	122
---	-----

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

Ю.С. Никифоров — Попытка Ярославля потеснить Иваново в управлении Верхневолжским совнархозом	137
---	-----

В.А. Поляков — К вопросу о количестве рабочих-двадцатипятитысячников на Нижней Волге в 1930 г.	145
--	-----

Р.С. Абдулмажидов, Ш.М. Хапизов — Взаимоотношения Джарской республики и Кахетинского царства в конце XVII — первой четверти XVIII в.	148
--	-----

ИСТОРИОГРАФИЯ

Н.М. Игнатова — Историография принудительных миграций	159
--	-----

М.Ц. Арзаканян — И.А. Хормач. СССР в Лиге наций 1934—1939 гг.	169
---	-----

С.А. Кислицын — А.Л. Худобородов, М.А. Яшина. Российское казачество на чужбине. 1920—1940-е гг.	173
---	-----

СООБЩЕНИЯ

УДК 94(476-15):323.1(=411.16)«1939/1941»

Советские граждане в Западной Белоруссии в 1939—1941 гг.

Я.В. Карпенкина

Аннотация. В работе на основе анализа широкого круга советских делопроизводственных документов анализируется практика командирования служащих из Советского Союза (так называемых «восточников») на присоединенные осенью 1939 г. земли Западной Белоруссии. Обращая свое внимание на ранее малоизученную проблему, автор стремится охарактеризовать положение данной социальной группы в западных областях БССР в 1939—1941 гг. и приходит к выводу, что, хотя по замыслу правительства командированные советские работники должны были стать главными проводниками политики советизации на присоединенной территории, их работа в данной сфере оказалась малоэффективной.

Ключевые слова: Западная Белоруссия, СССР, советизация, «восточники», советские служащие.

Abstract. The work addresses the practice of sending of soviet clerks (so called “vostochniks”) to the Western Belorussia after its’ territorial affiliation to the Belorussian Soviet Socialist Republic (autumn of 1939). The paper is based on a large number of the soviet clerical documents. The work deals with the characteristic of this social group position in the Western Belorussia in 1939—1941 years. The author concludes: although according to the government’s plan, the sent Soviet clerks were expected to become the main implementers of the Sovietization policy in the annexed territory, their effort in this sphere turned out to be ineffective.

Key words: Western Belorussia, USSR, sovietization, “vostochniki”, soviet clerks.

После раздела Белоруссии в 1921 г. между Польшей и Советским Союзом в восточной ее части проводилась интенсивная советизация¹, а в западной — полонизация. Воссоединение обеих частей произошло только через 18 лет. Осенью 1939 г., когда жители Западной Белоруссии встречались с жителями Восточной Белоруссии, фактически происходило соприкосновение двух разных «миров».

Бывшая жительница г. Гродно Х. Борнстайн-Белицка вспоминала о тех событиях следующее: «Советизация охватила все стороны жизни... Гродно полнился управленцами и военными: мужчинами, Карпенкина Янина Валерьевна — стажер-исследователь Международного центра истории и социологии второй мировой войны и ее последствий. E-mail: yanina.postbox@gmail.com.

Karpenkina Yanina V. — research assistant at the International Centre for the History and Sociology of World War II and its Consequences. E-mail: yanina.postbox@gmail.com.

женщинами и их семьями... Советская власть не оставляла без управления город ни на минуту»². Действительно, обращаясь в областные комитеты, районные суды, милицию и даже к директору школы — всюду местные жители имели дело с людьми, приехавшими из СССР. В этой связи нельзя не согласиться с В. Слешынски в том, что реализация политики советизации была невозможна без командирования на присоединенные земли советских работников³.

На сегодняшний день многие аспекты политики советизации нашли отражение в научных разработках белорусских, российских, польских и американских историков. Наряду с работами общего характера⁴, отражающими основное направление советской политики на присоединенных землях, были также изданы исследования, посвященные различным этническим группам⁵ или освещдающие историю отдельных регионов Западной Белоруссии в 1939—1941 годах⁶. Таким образом, к настоящему времени создан достаточно обширный комплекс исследований, посвященных тем или иным сторонам советской истории в Западной Белоруссии в 1939—1941 годах.

Тем не менее ряд проблем все еще нуждается в более глубоком изучении. Среди них — жизнь командированных на бывшие польские земли советских граждан. На сегодняшний день наиболее интенсивно по данной проблеме работают польские историки⁷. Однако в их исследованиях советские работники представляются исключительно в негативном свете. Так, К. Ясевич в своей книге «Они: советский оккупационный аппарат на северо-восточных землях Второй Речи Посполитой, 1939—1941 гг.» охарактеризовал командированных советских служащих как некую разрушающую силу, «уничтожившую все хорошее и оставившую после себя к 1941 г. лишь пустошь в морально-социальном и экономическом смыслах»⁸.

Предметом настоящего исследования является анализ положения командированных из СССР в Западную Белоруссию советских работников: их служебной деятельности, социального и материального положения, взаимоотношений с местными населением. Цель — рассмотреть достаточно пеструю по своему составу группу приезжих советских работников как отдельную социальную категорию населения присоединенного региона.

Основными источниками данной публикации являются советские делопроизводственные документы из коллекций Национального архива Республики Беларусь (НАРБ), Государственного архива Гродненской области (ГАГр), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Кроме того при анализе взаимоотношений советских работников с местным населением были привлечены источники личного происхождения — мемуары и устные интервью. Значительная доля этих материалов хранится в Мемориальном музее Холокоста (USHMM).

Командированных в 1939—1941 гг. в Восточную Польшу советских служащих местные жители прозвали «восточниками» (поскольку прибывали они преимущественно из восточных областей БССР), а себя, соответственно, «западниками». Впоследствии термин «восточник» получил широкое распространение, порой даже в официальных документах⁹.

Ввиду отсутствия соответствующих данных, невозможно назвать точное количество отправленных в Западную Белоруссию «восточни-

ков». В одну только Белостокскую область с сентября 1939 по октябрь 1940 г. было отправлено 12 396 советских служащих¹⁰, поэтому можно предположить, что количество командированных во все пять областей присоединенного региона измерялось десятками тысяч человек¹¹. Среди них преобладали белорусы, хотя немало было русских и евреев.

Квалификация приезжих работников также была весьма разнообразна — прибывали люди с разным образованием и опытом работы, как руководители, так и простые служащие. Последние преобладали среди работников железной дороги, которая считалась стратегическим объектом и поэтому обслуживалась исключительно «надежными кадрами»¹². Но поскольку существовало секретное постановление¹³ об укомплектовании всех административных должностей в новоприсоединенных западных областях проверенными советскими работниками, количество «восточников», находившихся на руководящей работе, преобладало.

В условиях острого жилищного дефицита в СССР¹⁴ командированные советские работники, очевидно, надеялись на улучшение своих жилищных условий. Это подтверждают жалобы на то, что они «с первых дней приезда в Западную Белоруссию начали требовать себе квартиры с мягкой мебелью»¹⁵. Представители местной администрации жаловались: «Приезжают люди из Алма-Ата и говорят: “Представьте нам работу и квартиру”. Один заявляет: “Приехал в хлебопекарню работать. Я, — говорит, — все продал, мне сказали, что там все будет, вот и приехал”»¹⁶.

По словам народного комиссара внутренних дел БССР Л. Цанавы, около 90% командированных работников оседало в городах¹⁷. Наличие в городской местности Западной Белоруссии столь большого количества «восточников» вместе с немалым количеством военнослужащих и беженцев из Западной Польши создавало в регионе крайне сложную ситуацию, в первую очередь, в социально-экономической и жилищной сферах¹⁸.

В таких условиях далеко не всем приезжим из Советского Союза удавалось успешно обустроиться на новом месте. Нередкими были случаи, когда они вынуждены были проживать в неприемлемых условиях. Например, начальник паспортного отдела НКВД Домбровского района П.С. Косов просил местную администрацию предоставить ему новое жилье по той причине, что помещение, в котором он проживал, было очень сырым и находилось в здании еврейской школы, поэтому в квартире было очень шумно («невозможно работать над собой»), а зимой — невыносимо холодно. По этой причине у него заболел и умер ребенок. В ответ на свой рапорт Косов получил ответ: «Свободных мест нет»¹⁹.

Но «восточники» не всегда только требовали — хищение недвижимого имущества, особенно в первые месяцы советской власти в Западной Белоруссии, было повсеместным явлением. В архивных документах можно встретить большое количество упоминаний о незаконных выселениях «западников» из квартир с присвоением их имущества военным и гражданским начальством²⁰. Конечно, подобные действия предпринимались, в первую очередь, в отношении представителей бывшей польской администрации, аристократии, а также зажиточных граждан. Но нередко страдали и простые жители. Напри-

мер, согласно докладу прокурора Белостокской области от 30 сентября 1940 г., жителя г. Белостока В. Гольдштейна начальник местного отдела милиции Селиванчик вынудил покинуть жилье на том основании, что тот якобы при польской власти являлся директором купеческого банка. Следствием было установлено, что Гольдштейн не был директором банка, а работал там бухгалтером. Однако к тому моменту Селиванчик уже обосновался в его квартире и категорически отказывался выезжать. Потерпевший подал апелляцию в суд, но ее не приняли к рассмотрению. Чем закончилось дело — неизвестно²¹. Упоминаний о подобных происшествиях в архивных материалах можно встретить множество. В целом факт незаконного хищения имущества представителями советской администрации является отражением специфической социально-политической ситуации в западных областях, при которой занятие высших должностей в условиях послевоенной разрухи 1939—1941 гг. фактически означало обладание неограниченной властью.

Но не всем «восточникам» повезло оказаться в привилегированном положении. Так, очень тяжелой была доля работников железной дороги, прибывших из Советского Союза. В ряде записок начальников Брест-Литовской железной дороги, составленных в марте-июле 1940 г., неоднократно указывалось на то, что присланные работники до сих пор не имеют своих квартир, а живут в вагонах²² (всего по ж/д Западной Белоруссии ими было занято 72 вагона по 3—4 чел. в купе)²³. Приводились некоторые ужасающие подробности их быта: постельными принадлежностями рабочие не были обеспечены, поэтому спали в одежде, накрываясь пальто; кипяченой воды, как и посуды, не было; туалеты в вагонах были заперты с целью недопущения антисанитарии; мыла не было, железнодорожники редко ходили в баню и меняли нижнее белье; дезинфекция вагонов зачастую не проводилась²⁴. Следствием всего этого были вшивость и случаи массовых заболеваний тифом²⁵. Тяжелые жилищные условия, невозможность перевезти свою семью, недостаточная оплата труда — все это привело к тому, что из числа приезжих рабочих Брест-Литовской железной дороги в течение января-июня 1940 г. без разрешений уехало обрато (фактически, бежало) около 200 человек²⁶.

«Восточники», прибывшие вслед за частями Красной армии, как и красноармейцы, удивляли «западников» своим скромным внешним видом, который сильно контрастировал с нарядами местного населения²⁷. Приехав в «буржуазный» край, советские граждане, если только имели такую возможность, всячески стремились повысить свой уровень жизни. Из рассказов местной жительницы Р. Горбенко: «А девчата какие поприехали оттуда — они все были в шинелях и сапогах кирзовых. Потом стали уже одеваться, стали покупать материалы, к портнихам [ходить]...»²⁸ Товарный голод советских людей привел к тому, что уже в первые дни после прихода войск Красной армии местные жители могли наблюдать красноармейцев, активно скупавших любые попадавшиеся на глаза товары. Часто торговля шла из-под полы по многократно завышенным ценам²⁹, расцветали «черный рынок» и спекуляция.

В докладных записках партийных работников западных областей часто упоминались случаи, когда советские служащие «проводили большинство своего времени в лавках и на базарах», превращаясь в

«мешочников»³⁰. Этим, однако, дело не ограничивалось. При конфискации имущества помещиков и прочих «нетрудовых элементов» редкий советский работник мог удержаться от присвоения себе хотя бы доли этого имущества. Депутат Верховного совета БССР Снегов, работавший в Западной Белоруссии руководителем Уездного Исполнительного комитета (уезд не указан) «со всего уезда без всякого учета натаскал себе на квартиру мебель», конфискованную у помещика. Второй секретарь этого же Исполнительного комитета Петлах «не отстал от Снегова» и тоже «набрал себе много вещей»³¹. Более того, Снегов и Петлах занимались вымогательством товаров у торговцев — для этого они через поверенное лицо обращались к торговцу и под угрозой штрафа приказывали ему принести в указанный день определенный товар³². Вымогательство было характерно для «восточников»-руководителей: например, прокурор Барабинского района Квиткевич, будучи в нетрезвом состоянии, требовал от бывшей торговки Ф. Эпштейн продать ему чулки. Услышав о том, что у нее больше нет товара, Квиткевич причинил ей физический вред, отчего Эпштейн «болела 11 дней»³³.

Нередкими были случаи, когда представители советской администрации региона ездили (или отправляли кого-то вместо себя) за границу (чаще на территорию Литвы, в Вильнюс) и под видом приобретения так называемых «необходимых предметов» для учреждения покупали вещи для личного пользования³⁴. В подобных поездках использовались служебные автомобили и даже государственные средства. Например, как указывалось в анонимной жалобе, заведующий Финхозсектором Вилейского областного комитета КП(б)Б³⁵ Дымков более 70 тыс. руб. из партийной кассы потратил на покупку в Литве и у спекулянтов «всякого барахла», а также за государственный счет «отремонтировал себе квартиру»³⁶.

На общем собрании Белостокской городской партийной организации в январе 1940 г. обсуждалась проблема отсутствия борьбы со спекуляцией со стороны милиции, более того, было заявлено: «Есть некоторые милиционеры из местных граждан, которые способствуют спекуляции»³⁷. Активно скupая недоступные в СССР товары, отдельные предпримчивые «восточники» сами занялись спекуляцией — пересылали товары на родину для перепродажи. Например, 31 марта 1941 г. В.А. Египян, работавшую секретарем 3-го отдела НКВД, уволили за то, что она скупала промтовары у спекулянтов и в Спецторге (6 штук золотых и серебряных часов, отрезы сукна, шерсти и шелка, костюмы и платья, шубу), а все купленное переправляла в Ереван для продажи³⁸.

На Пленуме Белостокского обкома КП(б)Б открыто заявлялось о том, что многие советские работники приезжают «ради наживы», чтобы себе «нахапать»³⁹.

Однако если приобретение различных товаров в условиях вскоре наступившего в Западной Белоруссии дефицита было доступно лишь тем, у кого были деньги и связи, то такой порок как пьянство касался значительно более широких слоев приезжих работников. Буквально в каждой жалобе указывалось на их чрезмерное пристрастие к алкоголю⁴⁰. В частности, в Лидском городском отделе НКВД систематически устраивались коллективные попойки, в результате кото-

рых отдельные сотрудники являлись на работу в нетрезвом виде, либо не приходили вовсе. Подобная вечеринка произошла в день празднования годовщины ВЧК-ОГПУ-НКВД, когда было распито вино, изъятое у ксендза ⁴¹. Безусловно во время подобных пьянок нередко случались дебоши и даже несчастные случаи (ввиду наличия у «восточников» огнестрельного оружия). Один из сотрудников упомянутого Лидского городского отдела НКВД во время пьянки открыл стрельбу прямо в отделе НКВД, а после и в жилом доме, в результате чего «жителям дома пришлось вылезти через окна» ⁴². Имели место и пьяные перестрелки с летальным исходом ⁴³.

На партийном совещании районных комиссаров и начальников районных отделов НКВД пограничных районов БССР, которое состоялось в сентябре 1940 г., первый секретарь ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко отмечал дискредитирующее поведение некоторых советских служащих: «Данные, которыми располагает ЦК, свидетельствуют, что не глубоко у нас дело идет там, не так, как нужно было бы. Товарищи наши не превратились в партийных вожаков масс... Они не являются в глазах населения символом партийной честности..., а поглязли иногда там в неблаговидных даже делах» ⁴⁴.

Как неоднократно отмечается в источниках личного происхождения, проживая в Западной Белоруссии, «восточники» стремились общаться только с выходцами из СССР, держась обособленно от местного населения. Причинами тому были незнание польского языка, а также значительные культурные отличия между социальными группами. Кроме того, между «западниками» и «восточниками» присутствовало недоверие, особенно в первые месяцы после присоединения территории. Советские работники были запуганы рассказами о возможных происках «враждебной польской буржуазии». Например, бывшая жительница местечка Ошмяны Горбенко вспоминала, как подселенный на квартиру к их родственникам директор дрожжевого завода Александр Ильич боялся, что хозяева его отравят. Через некоторое время, когда отношения командированного директора и хозяев наладились, Александр Ильич признался, что он и его товарищи не хотели ехать в Западную Белоруссию, опасаясь местного населения ⁴⁵. Со стороны «западников» недоверие к советским служащим было вызвано их поведением. Из воспоминаний местного жителя — белоруса С.Ф. Пипко (Брестская обл.): «... [“восточники”] вели себя как большие чиновники, люди, имеющие власть. Общались они только с коммунистами... Все партийные и советские работники имели при себе пистолет. Местное население боялось советских работников» ⁴⁶. Можно согласиться с мнением Е.Ю. Борисёнок о том, что взаимоотношения между данными социальными группами, скорее носили характер «элиты — массы» ⁴⁷. Но были и исключения. Так, бывший житель г. Лида Джек Ахренс ⁴⁸ вспоминал, как он и подселенные к его семье красноармейцы дружно проводили вечера пятницы — пили водку и закусывали фаршированной рыбой.

Сразу стоит отметить, что со стороны «восточников», которые, как было сказано, чувствовали себя элитой, носили огнестрельное оружие и любили выпить, имело место грубое отношение к местным женщинам. Так, оперуполномоченный Вороновского районного отдела НКВД С.П. Феськов, напившись допьяну, вышел на улицу и

начал приставать в двум девушкам — угрожая оружием требовал, «чтобы они с ним садились»⁴⁹.

Не намного реже, чем о пьянствах командированных работников, говорилось об их связи с «сомнительными женщинами».

Однако часто между «восточниками» и западнобелорусскими женщинами случались романы. На Первой Белостокской областной конференции КП(б)Б в апреле 1940 г. говорилось о «неприятных» фактах «срашивания» приезжих работников с местным населением: «Мы недавно проводили мероприятия по выселению семей офицеров и других сволочей и там приходилось сталкиваться с советскими людьми, которые живут вместе с местными и заявляют: это моя жена или я хочу на ней жениться»⁵⁰.

Поскольку отношение советского руководства к местным жителям было настороженным (особенно к полякам и беженцам), всякие любовные связи с «западниками» категорически осуждались. За это грозило не только увольнение с последующим откомандированием обратно, но даже исключение из партии. Однако некоторые работники шли и на такие жертвы: А.Г. Стрелковский, работавший оперуполномоченным Слонимского городского отдела НКВД, «установил постоянную связь» с Ф. Розенберг, чья биография по советским меркам была далеко не безупречной — беженка из Польши, нелегально пересекшая границу, имевшая родственников в Лодзи, да еще поддерживавшая с ними активную связь по переписке, сообщая, что в Западной Белоруссии ей жить не нравится. Стрелковского всячески вынуждали порвать отношения с Розенберг. Однако на собрании парторганизации НКВД г. Слонима он публично заявил: «Возможно останусь вне партии и не буду работать в органах НКВД, но с Розенберг не разойдусь». За это он был два раза понижен в должности, а позже и вовсе уволен из НКВД⁵¹.

Из отрывочных архивных сведений становится ясно, что в 1939—1941 гг. на присоединенные земли прибыло несколько десятков тысяч советских работников. По национальности среди них преобладали белорусы. По квалификации и образованию «восточники» являлись весьма пестрой социальной группой. Большинство из них было назначено на разного рода руководящие должности в государственных учреждениях и на предприятиях. Таким образом, командированные советские работники являлись активными проводниками политики советизации на присоединенных землях.

Из ряда архивных сведений становится ясно, что характерными чертами образа жизни «восточников»-руководителей были чрезмерный интерес к покупке различных товаров, а также пьянство. Подобная ситуация на фоне репрессий и дефицита вызывала неприязнь со стороны простого населения. Это прекрасно понимало советское правительство, но решить данную проблему было не в силах.

Имея в виду единый культурный опыт всех «восточников», важно помнить, что наряду с руководителями в Западную Белоруссию было отправлено значительное количество рядовых служащих, разделивших с «западниками» материальные трудности. Тот факт, что многие из них, столкнувшись с реалиями жизни на присоединенной территории, стремились любыми способами скорее вернуться обратно, многое говорит о тяжести бытовых условий жизни в Западной Белоруссии в 1939—1941 годах.

Многие командированные работники вызывали неприязнь у «западников». С другой стороны, не зная польского языка и будучи подверженными советской пропаганде, «восточники» опасались местных жителей, видя в них представителей «враждебной буржуазии». В то же время в архивных документах достаточно часто говорится о смешанных браках являвшихся воплощением частных случаев воссоединения двух все еще чуждых друг другу «миров».

Примечания

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

1. Под «советизацией» в данной работе понимаются мероприятия, направленные на создание государственных и административных структур и конструирование нового образа жизни для граждан присоединенного региона по укоренившимся в СССР образцам.
2. IZHAR N. Chasia Bornstein-Bielicka: One of the Few. A Resistance Fighter and Educator, 1939—1947. Jerusalem. 2009, p. 79.
3. SLESZYNSKI W. Okupacja sowiecka na Białostocczyźnie: Propaganda i indoktrynacja. Białystok. 2001, s. 277.
4. GROSS J.T. Revolution from Abroad: The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia. Princeton. 2003; ЛАДЫСЕЎ У.Ф., БРЫГАДЗІН П.І. Паміж Усходам і Захадам: Станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917—1939 гг.). Мінск. 2003.
5. LEVIN D. The Lesser of Two Evils: Eastern European Jewry Under Soviet Rule, 1939—1941. Philadelphia. 1995; Studia z dziejów okupacji sowieckiej (1939—1941): obywatele Polscy na kresach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej pod okupacją sowiecką w latach 1939—1941. Warszawa. 1997.
6. АКЕРМАН Ф. Гародня пад савецкай акупацыяй (верасень 1939 — чэрвень 1941 гг.). — Arche Пачатак. 2016, № 1, с. 6—26.
7. JASIEWICZ K. Pierwi po diable. Elity sowieckie w okupowanej Polsce 1939—1941 (Białostocczyzna, Nowogródczyzna, Połesie, Wileńszczyzna). Warszawa. 2001; GNATOWSKI M. Rodzieccy funkcjonariusze na Białostocczyźnie (1939—1941). Wstępny zarys problematyki In: Sowietyzacja i rusyfikacja połnocno-wschodnich ziem II Rzeczypospolitej, 1939—1941. Białystok. 2003, s. 181—209.
8. JASIEWICZ K. Oni: Okupacyjny apparat sowiecki na Kresach Północno—Wschodnich w latach 1939—1941. Warszawa. 2015. s. 19.
9. См.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 22, д. 225, л. 36; Государственный архив Гродненской области (ГА Гр), ф. 579, оп. 1, д. 10, л. 1—3.
10. РГАСПИ, ф. 17, оп. 22, д. 230, л. 70.
11. М. Гнатовски утверждает, что до конца 1940 г. в Западную Белоруссию прибыла 31 тыс. работников из Советского Союза. GNATOWSKI M. Op. cit., s. 189.
12. Как указывалось в стенограмме пленума Белостокского областного комитета КП(б)Б к октябрю 1940 г. на железной дороге только по Белостокской области было трудоустроено 3 тыс. «восточников», занимавших самые разные должности, «вплоть до уборщиц». РГАСПИ, ф. 17, оп. 22, д. 230, л. 70. См. также: ПЕТРОВСКАЯ О.В. Изменения кадрового состава Брестского железнодорожного узла 1939—1941 гг. В кн.: Исторические, социокультурные и экономические аспекты воссоединения белорусского народа. Брест. 2000, с. 46—47.
13. Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ), ф. 4П, оп. 1, д. 16 767, л. 8, 34.
14. МЕЕРОВИЧ М. Наказание жилищем. Жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917—1937. М. 2008; FITZPATRICK SH. Everyday

- Stalinism: Ordinary life in Extraordinary Times. Soviet Russia in the 1930s. Oxford. 1999, p. 46—50.
15. НА РБ, ф. 4П, оп. 1, д. 14 634, л. 28.
 16. РГАСПИ, ф. 17, оп. 22, д. 230, л. 144.
 17. НА РБ, ф. 4П, оп. 1, д. 16767, л. 89.
 18. Трудности расселения новых работников стремились решить путем уплотнения старых хозяев квартир и домов. Таким образом, некогда частное жилье было стремительно преобразовано в коммунальные квартиры.
 19. ГА Гр, ф. 173, оп. 1, д. 2, л. 20—21.
 20. РГАСПИ, ф. 17, оп. 22, д. 227—352.
 21. НА РБ, ф. 4П, оп. 1, д. 15 347, л. 65—69.
 22. Там же, д. 16 781, л. 84—152.
 23. В это время пассажирские перевозки в Западной Белоруссии выполнялись на крайне низком уровне: поезда ходили не полносоставными, поэтому происходил перегруз вагонов. Регулярными были случаи, когда пассажиры просто не влезали в вагон и оставались на станции. РГАСПИ, ф. 17, оп. 22, д. 225, л. 11.
 24. ГА Гр, ф. Р-292, оп. 1, д. 2, л. 18—20.
 25. РГАСПИ, ф. 17, оп. 22, д. 232, л. 106—110.
 26. Там же, л. 150.
 27. ЕЛЕНСКАЯ И.Э. События 1939—1940 годов в западных областях Белоруссии: участная история. В кн.: Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939—1941 гг.: люди, события, документы. СПб. 2011, с. 116.
 28. GORBIENKO R. Interview 49 136. Visual History Archive. USC Shoah Foundation Institute. Accessed online at the USHMM on 22th July 2016. Part 1. 00:24:25.
 29. Но даже эти завышенные цены были намного ниже цен на аналогичные товары в пределах СССР. К тому же в Советском Союзе в эти годы наблюдался острый товарный дефицит, в результате чего товаров или вообще не было на прилавках, или они продавались согласно нормам отпуска в одни руки. ОСОКИНА Е. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации 1927—1941. М. 2008.
 30. НА РБ, ф. 4П, оп. 1, д. 14 634, л. 29.
 31. Там же, д. 14 747, л. 69.
 32. Там же, л. 70.
 33. РГАСПИ, ф. 17, оп. 22, д. 221, л. 5—6.
 34. ГА Гр, ф. 309, оп. 1, д. 2, л. 71.
 35. КП(б)Б — Коммунистическая партия большевиков Белоруссии.
 36. НА РБ, ф. 4П, оп. 1, д. 14 783, л. 214—215.
 37. Там же, д. 15 268, л. 1—16.
 38. РГАСПИ, ф. 17, оп. 22, д. 225, л. 56—57.
 39. Там же, д. 230, л. 144.
 40. Там же, д. 227—352.
 41. Там же, д. 220, л. 41.
 42. Там же.
 43. НА РБ, ф. 4П, оп. 1, д. 14 620, л. 226—228.
 44. Там же, д. 16 767, л. 1—2.
 45. GORBIENKO R. Interview 49136. Visual History Archive. USC Shoah Foundation Institute. Accessed online at the USHMM on 22th July 2016. Part 1. 00:20:15.
 46. ЕЛЕНСКАЯ И.Э. Ук. соч., с. 118.
 47. БОРИСЁНОК Е.Ю. Кадровая политика большевиков в западных областях Украины в 1939—1941 гг. Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939—1941 гг.: люди, события, документы. СПб. 2011, с. 194.
 48. Interview with Jack Ahrens. RG-50.030*0311. USHMM. 00:27:52.
 49. РГАСПИ, ф. 17, оп. 22, д. 221, л. 136.
 50. Там же, д. 229, л. 239.
 51. Там же, д. 226, л. 112—113.

Contents

The political archives of the Twentieth century: **P.A. Iskenderov.** Chronicle of the Great Victory (1941–1945). Articles: **S.V. Voroshilova, E.P. Tatarinova.** Women's suffrage in the Russian empire. Historical profiles: **V.V. Yarygin.** James Blaine. **Historical publicistics:** **Z.E. Dzhioeva.** Etymology and structural features of the anthroponyms of the Mongols of Genghis Khan. Contributions: **Y.V. Karpenkina.** Soviet citizens in Western Belorussia in 1939–1941; **S.Yu. Kargapolsev, I.Yu. Lapina.** Northern extremity of the Kazan street of St. Petersburg in research practice; **E.B. Baranova.** Ethnopolitical relations in Central Asia in the pre-Mongol period. Debatable issues: **A.S. Ischenko.** The myth about Vladimir Monomakh in the mirror of Ukrainian historical memory. History and fates: **A.E. Kotov.** Mikhail Yuzefovich — ideologist of the Russian political pre-modern. For teacher of history: **P.A. Iskenderov.** World War II in modern context. People. Events. Facts: **Y.S. Nikiforov.** An attempt of Yaroslavl to press Ivanovo in management of the Upper Volga economic council; **V.A. Poliakov.** To the question of the number of the twenty-five-thousanders on the Lower Volga in 1930; **R.S. Abdulmajidov, Sh.M. Khapizov.** Relations of the Jar Republic and the Kakhetian Kingdom at the end of the XVII — first quarter of the XVIII century. Historiography. **N.M. Ignatova.** Historiography of forced migrations. **Reviews on books:** *I.A. Hormach.* USSR in the League of Nations 1934–1939 (by M.Ts. Arzakanyan); *A.L. Khudoborodov, M.A. Yashina.* The Russian Cossacks in a foreign land. 1920–1940 (by S.A. Kislytsyn).

Учредитель: Искендеров Пётр Ахмедович

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор П.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, Г.А. Гребенщикова, В.Г. Кикнадзе,
М.А. Лагода, Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова,
В.В. Поликарпов, О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна
При slанные материалы после рецензирования не возвращаются
Редакция не имеет возможности вступать в переписку
Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 6, 2018
Адрес: Журнал «Вопросы истории».
Долгоруковская улица, дом 23А, строение 1, офис 211. Москва, 127006.
Телефоны: (499) 978-20-82, (499) 978-61-03. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.05.2018. Формат 70x108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 870. Заказ 213-2018. Индекс 70145. Цена свободная.

ООО Журнал «Вопросы истории»

Отпечатано АО «Красная Звезда».
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 38.

Тел.: (495) 941-32-09
E-mail: kr_zvezda@mail.ru www.redstarph.ru